

О.Б. Келлер

Белорусский государственный университет, Минск

O. B. Keller

Belarusian State University, Minsk

УДК 94:34(430)

НАЛОГИ, ПОДАТИ, ПОВИННОСТИ, ПОШЛИНЫ, КНЯЖЕСКИЕ РЕГАЛИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ДО И ПОСЛЕ ДАРОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ПРАВА

TAXES, DUTIES, SOVEREIGN REGALIA IN CENTRAL UND EASTERN EUROPE BEFORE AND AFTER THE GRANT OF GERMAN LAW

Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов (налоги, пошлины и пр.) финансовой системы регионов, расположенных к востоку от Германии, до того, как в них появились элементы немецкого права и после введения немецкого права в городах и селах Центральной и Восточной Германии. Начало утверждения немецкого права в этих регионах – XIII–XIV вв.

Ключевые слова: налоги; повинности; княжеские регалии; Центральная Европа; Восточная Европа; немецкое право; дарование права.

This article is devoted to the consideration of certain aspects (taxes, duties, etc.) of the financial system of the regions located east of Germany before they appeared in the elements of German law and after the introduction of German law in cities and villages Central and Eastern Germany. The beginning of the approval of German law in these regions – XIII–XIV centuries.

Key words: Taxes; duties; princely regalia; Central Europe; Eastern Europe; German law; grant of law.

В ту эпоху, в которую распространилось и утвердилось немецкое право в Польше, а затем в Литве, Украине, Беларуси и в других регионах, а именно в XIII–XIV вв., феодализм в Западной Европе находился на вершине своего развития: король получал доходы только от государственных имуществ, некоторых регалий (горной и, отчасти, лесной), таможен и донатив духовенства [1, с. 26]. Жалованные грамоты, даровавшие немецкое право, затрагивали, в большинстве своем, две особо важные сферы: подати и суд. А как известно, именно право суда и власть, относившаяся к налогам, исчерпывали все права верховной власти в период Средневековья [1, с. 9].

Постараемся рассмотреть на примере Польши, Литвы, а соответственно, и Украины одну из вышеозначенных сфер, релевантных для нас. И для начала рассмотрим, какие же налоги и повинности имели место на вышеуказанных территориях до дарования ее населению в Средние века жалованных грамот на немецкое право, а затем каким образом менялась ситуация после пожалования немецкого права.

Налоги, подати, повинности до дарования немецкого права. *Постоянные подати.* Примерно до XIV в. польские князья обладали обширными правами касательно налогов [1, с. 10]. Равно как и князья иных славянских

земель, польские князья получали с каждого населенного участка земли прямую, общую и постоянную подать. Причем как единица, облагаемая податью, так и свойства, размер и название подати были различны.

Как правило, в Польше облагался податью именно тот участок земли, который крестьянин мог возделывать парой волов или лошадей, от чего подать получила название «порального» («poradlnie» – «посошное»). Та же самая подать могла носить и название «подымного» («дым» – жилое место). До времен Людовика I Великого (Венгерского)¹ данная подать составляла 12 грошей с лана², а со времени издания Людовиком знаменитого акта³ снизилась до 2 грошей. Впоследствии, во времена правления Сигизмунда III Вазы⁴, эта подать вовсе исчезла. То есть в то время, когда на западе возникало обложение постоянными податями, в Польше совершенно прекратилось взимание прямых общих налогов.

Далее. В Польше в виде постоянной подати кроме «порального» (налога в денежной форме) с каждого лана взимались и различные продукты натурой, а именно: «annonna ducalis», или «отсыпной хлеб», позднее «dziakly» (в Литве – «дяклы»), составлявший 2 мерки ржи и овса с лана; затем «васса», «bos», «rogcus» и пр.

Экстраординарный налог. Наряду с постоянной податью в Польше существовал экстраординарный налог, взимавшийся временно по требованию

¹ Людовик Великий (венг. I. (Nagy) Lajos), согласно венгерской традиции Лайош Великий, согласно польской Людвик Венгерский польск. Ludwik Węgierski; 5 марта 1326, Вишеград, Венгрия – 11 сентября 1382, Трнава, Словакия) – король Венгрии с 16 июля 1342 г. (коронация 21 июля 1342 г. под именем Лайоша I), король Польши с 17 ноября 1370 г. до момента своей кончины. Происходил из Анжуйской (Анжу-Сицилийской) династии. Людовик Великий был одним из самых известных правителей Европы эпохи Позднего Средневековья, расширив владения своего государства от Адриатики до Черного моря и почти до Балтики на севере. В числе его вассалов были правители Боснии, Сербии, Валахии, Молдавии и Болгарии.

² Лан – мера площади в средневековой Западной Европе и, в частности, польско-литовском государстве (XIV–XVIII вв.). Являлся основным мерилем феодальных повинностей. Размер 1 лана соответствовал площади среднего сельскохозяйственного феодального надела. Обычно один лан давался патриархальной семье из 10–12 человек. Лан делился на загоны, а те – на скибы. Было 2 вида лана: малый (фламандский, хелмский), который равнялся 30 моргам и соответствовал литовской волоке (отсюда второе его название – влука), и большой франконский (королевский, старопольский) равнявшийся 43,5 – 48 морга. На Украине с 1557 г. назывался старопольский лан или волокой и был равен 1 лан = 30 моргов ≈ 17,955 гектара. Размеры ланов: франконский: 1 лан = 43,5 – 48 моргам ≈ 22,6 до 25,8 га гектара, лан фламандский ≈ 16,7 до 17,5 га. От слова «лан» возникло название земельного налога – «лановое».

³ Кошицким привилеем (жалованной грамотой) 1374 г. Людовик освободил польскую знать от регулярных податей, кроме ланового побора.

⁴ Сигизмунд III (швед. Sigismund I, польск. Zygmunt III Waza, белор. Жыгімонт III Ваза, лит. Zigmantas III, 20 июня 1566 – 30 апреля 1632) – король польский и великий князь литовский с 27 декабря 1587 года, король шведский с 27 ноября 1592 по июль 1599 года, внук Густава Вазы и Сигизмунда Старого, сын шведского короля Юхана III и Екатерины Ягеллонки, отец Владислава IV.

необходимости: «exactio», «collecta», «szos». В Литве этот налог именовался «серебщизна» и «ордынщина». Со времени развития сеймовой власти установление этого налога требовало согласия сейма. Данный налог просуществовал до падения Речи Посполитой [1, с. 11].

Повинности. Самой старой и наиболее тягостной повинностью в Польше считалась «подводная» («prowóz», «prewód», «podwoda») [1, с. 11]. Суть данной повинности заключалась в том, что по пути своего следования княжеские гонцы и военные обозы требовали подвод. Кроме того, крестьянам надлежало доставлять продукты князю в его замок на своих подводах. Иногда этой повинностью выражалось подданство какого-либо племени тому либо иному князю.

Затем в ряду повинностей следует означить обязанность производить различные работы («издельная повинность») в пользу князя. Сюда относятся работы при ремонте княжеских замков, исправлении плотин, обязательная помощь при княжеских охотах. Совокупность этих работ называлась «angaria» и «perangaria». Сюда же можно отнести и «строжа» («stroża»), хотя она весьма рано заменялась или натуральными, или денежными оброками.

Хотелось бы обратить внимание на «военную повинность». В принципе, у народов Европы было два способа осуществления военной повинности: 1) дружинный и 2) всенародный (ополчение), причем, в большинстве своем, в Западной Европе преобладал все же именно первый, то есть дружинный способ отправления военной повинности. Обычай народного ополчения исчезает в Польше постепенно, начиная с XIV в.

Соединение повинностей и податей (прямой, постоянный налог). Соединение податей и повинностей представляет собой так называемые «станции» («statio»). При объездах князя по делам правительственным, судебным, для забав или охоты землевладельцы и крестьяне сел, лежавших на его пути, должны были встречать, размещать, содержать и провожать его и свиту князя. Нередко сия повинность перелагалась на деньги и, таким образом, становилась прямым, постоянным налогом.

Налоги непрямые. В большом употреблении были непрямые налоги: любой товар при вывозе на рынок подвергался оплате, взимаемой натурой. С воза рыбы полагалось отдавать 2 рыбы и т.п. Эта подать называлась «targowe». Позднее этот сбор стал взиматься в денежном виде и называться «цлом» и «мытом», когда сюда присоединился сбор за провоз товаров. Последний, однако, следует отличать от «таможенных пошлин».

Пошлины до дарования немецкого права. К пошлинам следует отнести, конечно, самую доходную статью древних финансов, то есть «судебные пошлины».

Кроме того, значительную часть доходов в больших торговых городах составляли торговые и иные пошлины.

Княжеские регалии до дарования немецкого права. Помимо податей, пошлин и повинностей, основанием многочисленных прав князя над всеми землями его княжества являлись княжеские регалии. Так, например, княже-

ской регалией считалось право владения лесами и водами. Как и повсюду в Западной Европе, лесные законы были строги: убивший зверя судился как преступник, оскорбивший князя, и приговаривался к высшему штрафу в размере 70 грошей. Основание подобной строгости объясняется тем, что ценные шкуры зверей («куну») имели денежное обращение. Наряду с правом владения лесами и водами к княжеским регалиям относились ловля рыбы, построение мельниц и бань и т. д. Полезные ископаемые, на чьей бы земле они не были найдены, принадлежали только князю.

Налоги, подати, повинности после дарования немецкого права. Итак, чтобы разобраться, как выглядела финансовая сторона в Польше и Литве после введения немецкого права, следует отметить следующее. Говоря о влиянии немецкого права, нужно различать дарование немецкого права общинам, живущим на государственной (княжеской) земле, либо новым колониям, появившимся на этой земле, от пожалования его духовенству либо частным владельцам-собственникам.

Общая поземельная подать. Так, дарование немецкого права княжеским имениям влечет за собой не уменьшение, а увеличение финансовых средств князя. Совсем иное дело, когда оно дается частновладельческим имениям. В такой ситуации частновладельческие имения освобождаются от «общей поземельной подати» – «порального» [2, № 26, 44, 48]. Не следует, однако, забывать, что освобождение от этой подати было неполное; если оно и было полное, то крайне редко. Выше уже упоминалось, что остатки данной подати сохранились в Польше до времен правления Сигизмунда III и что немецкое право понижало ее до 2 грошей с лана.

В Литве в 1424 г. Великий князь литовский Свидригайло⁵ дает Драгосиновичу село Косово с монастырем в потомственное владение, с мельницами, с полями, с ловами звериными и птичьими и пр.: «А тое село первореченное имеют нам давати, подлугъ права Волоского ты-то доходы... съ каждого кметя по два гроши польскихъ Краковского резу у каждый год» [3, № 15]. Под «правом Волоским», упоминаемом здесь, надлежит понимать «право немецкое». Как название «Немцы», общее для всех германских племен, прилагалось зачастую ко всем западным народам», – поясняет в своем исследовании М. Ф. Владимирский-Буданов, – так и название «Влахи», общее для всех романских народов, прилагалось иногда ко всему Западу [1, с. 19].

Подать чрезвычайная (временная). От подати «чрезвычайной (временной)» не освобождались немецкие поселения частных владельцев, за исключением определенного числа лет первоначальной льготы [2, № 39].

⁵ Свидригайло (белор. Свідрыгайла, лит. Švitrigaila, польск. Świdrygiełło; около 1370 – 10 февраля 1452) – князь витебский (1393), подольский и жидачевский (1400–1402), новгород-северский, черниговский и брянский (1404–1408, 1420–1430), великий князь литовский (1430–1432), князь волынский (1434–1452). Сын великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича от его второй жены, тверской княжны Ульяны, младший брат великого князя литовского и короля польского Ягайло.

Подать «Annona ducalis». Подать под названием «Annona ducalis» или «отсыпной хлеб», позднее «dziakly» (в Литве – «дяклы») в виде 2 мерок ржи и овса с лана, сохранилась преимущественно в грамотах на немецкое право силезским городам и местечкам. Впоследствии в Польше и «дякла» перешла от князей к землевладельцам. Зато иные натуральные поборы, к примеру, «vassa», «bove» и пр., были отменены согласно жалованным грамотам на немецкое право.

«Стации». Крайне важным моментом явилось освобождение от «стаций», даруемое немецким правом, ибо оно придавало землевладельцам даже внешний вид независимых князей. Упразднение «стаций» привело к тому, что без разрешения землевладельца король не мог въехать в границы его имения.

Подводная повинность. При даровании немецкого права постепенно изживает себя «подводная повинность». Первоначально с некоторыми исключениями в свою пользу [2, № 49], а впоследствии уже и безо всяких исключений. Так, например, силезские князья сохраняли сперва за собой подводную повинность в военное время для доставления провианта и перевоза пленников (то что в отличие от «rowóz» и «podwoda» называлось «prewód» [2, № 54]. В грамотах же князей Восточной Польши постоянно стоит общая формула: «absolvimus... a rowóz, prewód» [4, № 80, 82] независимо от того, дается ли грамота собственному имению князя или имению частного владельца.

Воинская повинность: Особенность жалованных грамот на немецкое право составляет освобождение от «воинской повинности», но не потому, что эти привилегии нельзя найти в тарханных грамотах русских князей, а потому, что в жалованных грамотах на немецкое право воинская повинность получает строгую определенность.

Колонисты не освобождались от военной повинности, но, в отличие от поселенцев с польским правом, они несли ее с определенными облегчениями. «Колонисты, – говорит один силезский князь, – будут служить мне, если случится война против моей земли или в моей земле; если же я захочу начать поход вне моей земли, то они должны в гарнизон одного моего замка постаивть, по договору, трех вооруженных людей с достаточным продовольствием, до моего возвращения в свою землю» [4, № 44]. Таким образом, военная повинность колонистов ограничивается войнами оборонительными и внутренними; от внешних войн они освобождаются всегда. Но и во время внутренних войн колонисты несли военную повинность с ограничениями. Они лишь тогда принимали участие в защите страны, если война касалась границ их поселений [2, № 11, 12]. Итак, немецкое право обязывает колонистов к тому, к чему каждого человека обязывает чувство собственного самосохранения: во время войны жители открытых мест и без того бежали в ближайшие замки и принимали участие в их обороне. Единственный обязательный их долг – вооружить известное число людей за свой счет. Впоследствии в Польше все нешляхетское население участвовало лишь при обороне замков. В открытых же битвах сражались общинные рати. В общенародное ополчение из имений частных владельцев являлись солтысы. В позднейших грамотах освобождение от военной повинности дается

колонистам немецкого права или безо всяких ограничений, или в них и вовсе не упоминается о таковой. Из солтыских грамот, в которых подробно излагаются повинности поселенцев видно, что военной службой обязывается один только солтыс. Другая сторона военной повинности – постройка и ремонт замков и укреплений – подверглась той же участи. Сначала князьями оговаривается, что колонисты «будут помогать при постройке замка по требованию крайней необходимости», а затем они решительно отказываются от их помощи [2, № 26].

Пошлины после дарования немецкого права. Торговые и другие пошлины составляли значительную часть доходов только в больших торговых городах, принадлежавших в большинстве своем еще князьям. Если же такие города попадали в частное владение, то и пошлины переходили в руки землевладельцев. Но грамоты не забывают упомянуть и об освобождении от торговых пошлин [2, № 26].

Княжеские регалии после дарования немецкого права. Из регалий право на владение водами постоянно соединяется с прочими привилегиями немецкого права, без ограничений или с известными изъятиями. Так, в древнейших грамотах исключается право на ловлю бобров в пользу князя [2, № 6]; впоследствии же уничтожается и это изъятие [2, № 26]. Даже рыболовство подвергалось иногда ограничениям, хоть и чрезвычайно редко. Реки могли отдаваться в частное владение либо на всем их протяжении, либо отмерялось точное количество вверх и вниз по течению от того города или имени, которому была пожалована грамота. На этом пространстве владельцы могли строить или сколько угодно мельниц, или в указанном князем количестве [4, № 63].

Точно так же и лесная регалия уступается сперва с некоторыми ограничениями касательно права охоты, а уже затем безо всяких ограничений. В городах право охоты получал один только войт.

Горная регалия, даже в пунктах чрезвычайной важности для всего государства, переходила в частное владение сперва по простым жалованным грамотам, потом закреплялась грамотами на немецкое право. Так, к примеру, соляные копи в Величке перешли в частное владение монастыря Тынецкого. Еще легче переходило частное владение право на полезные ископаемые, могущие открыться на земле, уже бывшей в частном владении, о чем упоминают грамоты на немецкое право, с некоторыми лишь ограничениями относительно княжеских городов [4, № 63].

Что касается монетной регалии, то поначалу князья весьма осторожно поступали с ней и исключали ее из пожалований немецкого права. Однако право чеканить монету утвердилось в землях, занятых тевтонскими рыцарями, за землевладельцами и городами с немецким устройством, таких как Торунь, Эльбинг и Данциг. Последние пользовались вышеуказанным правом вплоть до последних времен польского владычества. По примеру данных земель начало утверждаться это же право за землевладельцами и городами в княжествах польских.

В заключение хотелось бы проанализировать отношение землевладельцев к поселенцам по немецкому праву. Когда в результате падения роли королевской

власти в Польше важная роль переходит от короля к землевладельцам, землевладельцы получают значение провинциальных войтов в своих имениях, а низший суд начинают вершить их вассалы (солтысы), ими только поставляемые. Им же – солтысам – землевладельцы поручают фактическое отправление уголовного суда. Имения землевладельцев не платят королю податей (кроме одной двугрошевой с волоки – «*exactio rescunialis*») и не несут повинностей [1, с. 57].

Однако на основании данного утверждения сложно сделать выводы, хуже или лучше стало людям, поселенным на таких освобожденных землях. Ситуация могла развиваться двумя путями.

Первый путь характеризуется тем, что землевладелец, получив «*jus ducale*», мог передать его своим поселенцам точно так же, как поступил король или князь по отношению к нему; мог устроить в своем имении свободный общинный суд, которому передаст и свое уголовное право, а также мог, в свою очередь, облегчить подати и повинности крестьян.

Второй путь заключается в том, что землевладелец мог оставить в своих руках полученную власть и быть действительным и единственным судьей в своем имении, плюс получать с поселенцев все те подати и требовать исполнения всех тех повинностей, которые прежде следовали князю. Власть, полученная землевладельцем, была безгранична и даже давала ему право и возможность расширять требования и увеличивать повинности.

Как правило, принято считать, что немецкое право возлагает на землевладельцев обязанности устроить свои отношения к поселенцам по первому способу, а не по второму, что поселенцы пользуются привилегиями немецкого права «наравне с панями». Так ли это? Действительно ли в частновладельческих имениях, пожалованных немецким правом, непременно устанавливался общинный, независимый суд и каковы были личные и имущественные права поселенцев в таких имениях? С этим, безусловно, следует разобраться поподробнее, особенно со вторым аспектом, затрагивающим личные и имущественные права поселенцев по немецкому праву (волочное хозяйство).

Самый главный момент, на который следует обратить внимание при рассмотрении данного аспекта: при отдаче земли немецким колонистам изменялся существовавший до этого древнеславянский (польский) способ сельского хозяйства! «Общинное землевладение, – сообщает нам Владимирский-Буданов, – было чуждо немцам» [1, с. 68].

При образовании немецкой колонии происходил точный или приблизительный кадастр имения [2, № 48, 50]. Имение разделялось на «*mansi*» («*Hufen*» – «волоки»). Каждый поселенец получал отдельную волоку (гуфу), величина которой соразмерялась с количеством почвы. В лесистой местности учреждались так называемые большие или франкские волоки, на обработанных полях – меньшие по размерам фламандские волоки (гуфы). Средняя величина волоки (гуфы) составляла порядка 30 моргов, то есть свыше 15 десятин. Деревни распались на ряды хуторов. Каждый владеющий волоками состоял в непосредственном юридическом отношении к землевладельцу, отвечая только за себя.

Иными словами, в результате введения заимствованного у Западной Европы частного (ленного) землевладения вместо древнеславянского общинного землевладения исчезает прежняя общинная ответственность, при которой в русских областях землевладелец имел право назначать только общее количество податей и повинностей, а община уже сама распределяла их между своими членами. Это общее количество податей и повинностей сохранялось даже несмотря на уменьшение или увеличение общины, поэтому последняя должна была самостоятельно заботиться о полноте своего состава. Землевладелец, хоть и отчасти, был обеспечен постоянным получением дохода, а этим значительно отдалялась необходимость прикрепления к земле. По немецкому же праву, придерживавшемуся порядка частного землевладения, каждому поселенцу отдавалась волака в вечную ленную собственность («dziedzina»). «Такое дарование, – пишет далее Владимирский-Буданов, – есть, по-видимому, привилегия, так как им дается даже право продать свой участок, конечно, вместе с повинностями, лежащими на нем; пан лишается права без причины отнять у поселенца участок; но это и есть уже начало крепостного права, которое развилось потом в такое строгое рабство под благоприятными условиями польского юридического быта, которыми Польша опять-таки обязана немецкому праву» [1, с. 69].

Право вечного владения могло сделаться привилегией при больших наделах и при освобождении от податей; в небольших же крестьянских участках, обремененных повинностями, оно неизбежно вело к закабалению: при свободе от податей и при известной величине солтыств эти последствия сделались предметом желаний даже шляхты, но те же солтыства, меньшего объема и обложенные повинностями, переходили в крестьянские участки.

Итак, о постоянной незначительной величине волаки было сказано выше. Остается лишь упомянуть, какие повинности устанавливало немецкое право при распределении волок между поселенцами.

Одним из существенных отличий немецкого права признается переложение издельной и натуральной повинностей на денежный оброк – «чинш» («Zins», «census»). Этот оброк простирался от $\frac{1}{4}$ марки с волака до $\frac{1}{2}$ марки [4, № 58], иногда более 1 марки. Такая замена натурального хозяйства денежным, конечно, была принесена в Польшу и Силезию «немцами» из их прежнего отечества, где уже началось разложение натурального хозяйства. Однако необходимо отметить, что на той ступени экономического развития, на которой тогда находилась Польша, денежное хозяйство не могло прижиться прочно. При неразвитости потребностей и, следовательно, торговли земледельцу во всяком случае легче было отработать известное число дней в году, чем приобрести деньги. Эти обстоятельства скоро привели в селах, основанных на немецком праве, к соединению чинша с барщиной [1, с. 71].

Но действительно ли при даровании немецкого права все повинности натуральные и обязательные работы были заменены чиншем? Нет, это не так. В некоторых документах, помимо чинша, говорится о поборах и данях; из других же актов видно, что эти поборы состояли во взносе опреде-

ленного количества ржи и овса с каждой волоки. Такой взнос натурой есть «annona ducalis», остаток прежних княжеских прав на землю. Князья часто оставляли его за собой после дарования немецкого права. Но если князь отказывался от него, то не в пользу поселенцев, а в пользу землевладельцев: так один землевладелец требует, кроме чинша, и анноны.

Список использованных источников

1. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве / М. Ф. Владимирский-Буданов. – СПб.: [б. и.], 1868. – 312 с.
2. *Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte und der Einführung und Verbreitung deutscher Kolonisten und Rechte in Schlesien und der Ober-Lausitz / Hrsg.: G. A. Tzschoppe, G. A. Stenzel.* – Hamburg: Perthes, 1832. – XVI, 656 S.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1863. – Т. 1: 1361–1598 / [под ред. Н. И. Костомарова]. – [6], 301, 15 с.
4. *Codex diplomaticus Poloniae: quo continentur privilegia regum Poloniae, magnorum ducum Litvaniae bullae pontificum nec non jura a privatis data ab antiquissimis inde temporibus usque ad annum 1506 = Kodex dyplomatyczny Polski / Editio studio et opera Leonis Rzyszczewski et Antonii Muczkowski, notis a adornatus usque ad nr. CVII ab Antonio Sigismundo Helcel.* – Vol. 3. – Varsaviae: Strąbski, 1858. – XVII, 484, LXVI S.

(Дата подачи: 21.05.2018 г.)

A. A. Kiselev

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск

A. A. Kiselev

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 94(476):351.745 «1905/1907»

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ БРЕСТСКОГО ГОРОДСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

CHANGES IN THE STRUCTURE OF THE CITY POLICE DEPARTMENT OF BREST IN THE EARLY XX CENTURY

В статье показывается, что политический кризис 1905–1907 гг. не привел к существенному усилению состава Брестского городского полицейского управления несмотря на политический террор против полиции, несоответствие между штатом полиции и численностью городского населения, уровнем развития промышленности и торговли, крепостным статусом города.

Ключевые слова: городская полиция; Министерство внутренних дел; политический террор; Российская империя; белорусские губернии.

The article shows that the political crisis of 1905–1907 did not lead to a significant increase in the composition of the Brest City Police Department despite the political terror against the police, the discrepancy between the police state and the number of urban population, the level of development of industry and trade, the city's military fortress status.